

УДК 801.1:801.7:801.3

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
КОНЦЕПТОВ ЖЕНЩИНА И МУЖЧИНА
В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ**

А.Н. Махмутова

Аннотация

Статья посвящена проблеме языковой вербализации концептов «женщина» и «мужчина» оценочно-номинативными единицами, семантически ориентированными на лицо женского или мужского пола, в русском, английском и татарском языках. В работе выявляются, систематизируются и описываются доминирующие аксиологические признаки концептов с применением методик компонентного анализа и анализа словарных дефиниций. В результате выявляются семантические области, составляющие ядро каждого концепта в рассматриваемых языках, и проводится сопоставительный анализ, с определением универсальных и национально-специфических черт. По фактам языка реконструируются фрагменты языковой картины мира, отражающие стереотипные представления о женщине и мужчине в данных культурах. В работе делается вывод о значимости оценочных номинативов для анализа языковых концептов.

Процессы глобализации, затронувшие на современном этапе все сферы человеческой деятельности и вследствие этого вызвавшие расширение межъязыковых контактов, требуют, чтобы исследования языка осуществлялись непосредственно в контексте национальной культуры народа-носителя языка. В этой связи в отечественной научной лингвистической мысли рубежа XX – XXI веков складывается понимание языка как «промежуточного мира» между субъектом познания и существующей реальностью (Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, Е.В. Рахилина, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия, А.Д. Шмелев и др.). Язык рассматривается как уникальная коллекция результатов конкретных познавательных актов, имевших место в исторической эмпирике того или иного этноса, посредством которых «рядовой, обычный человек, не творец культурных ценностей сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [1, с. 42]. В рамках сложившейся исследовательской парадигмы возникает новая отрасль языкознания – лингвокультурология – со своим собственным категориальным аппаратом, центром которого становится понятие «концепт».

В современной лингвистике отмечаются различные подходы к определению термина «концепт» (когнитивный, культурологический, лингвокультурный), разработанные исследователями в соответствии со стоящими перед ними кон-

кретными задачами¹. В данной работе концепт понимается как «многомерная ментальная единица с доминирующим ценностным элементом» [3, с. 66]. «Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, выделяемых в различных областях науки, акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является *ценность*, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип <...> Показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов. Если о каком-либо феномене носители культуры могут сказать «это хорошо» (плохо, интересно, утомительно и т. д.), этот феномен формирует в данной культуре концепт» [4, с. 77].

В научной литературе отмечается наличие множества апелляций к одному и тому же концепту, то есть единиц языка и речи, при помощи которых этот концепт актуализируется в сознании своего носителя [4, с. 78]. Одним из способов языкового «проникновения» в концепт могут служить оценочные номинации, посредством которых этот концепт объективируется в языке. Применение аксиологического подхода к анализу языковых единиц позволяет глубже заглянуть в закрытую для непосредственного наблюдения систему ценностных отношений народа или этноса, эксплицировать существующие в сознании ценностные доминанты, определить их частотность, группировку и сочетаемость и соотнести полученные данные с точки зрения универсальности и уникальности.

По мнению Дж. Лакоффа, количество номинаций того или иного концепта в языке прямо пропорционально его культурной значимости для данного народа [5, с. 27]. В.И. Карасик, который также рассматривает вопрос о номинативной плотности концептов в системе культурно-ценностных координат, считает, что многостороннее обозначение в языке получают именно те предметы, процессы или явления внеязыковой действительности, которые являются для человека данной культуры наиболее ценными. Наряду с языковой картиной мира, В.И. Карасик выделяет в языке ценностную картину мира, судить о которой можно по семантической или номинативной плотности объектов, их различной оценочной квалификации, детализации наименования, выделению смысловых оттенков [6, с. 4–5]. Особенно значимым представляется следующее положение данной концепции: «Ценностная картина мира в языке представляет собой проявление семантического закона, согласно которому наиболее важные предметы и явления жизни народа получают разнообразную и подробную номинацию. При межъязыковом сопоставлении ценностных картин мира обнаруживается, что различие между представлением тех или иных концептов выражается большей частью не в наличии или отсутствии определенных признаков, а в частотности этих признаков и их специфической комбинаторике» [6, с. 14–15].

Совокупность концептов, объединенных на сновании того или иного признака, обозначается в научной литературе термином «концептосфера» [7], которые могут классифицироваться по различным основаниям (тематика концептов, носители концептов, функционирование концептов в дискурсе [3, с. 67]. Например, по тематическому признаку в ценностной картине мира могут быть выделены этическая, религиозная, юридическая и прочие концептосферы. Од-

¹ О разных подходах к исследованию концептов в лингвистике см.: [2, с. 83–88].

ной из тематических концептосфер является гендерная концептосфера, ядро которой составляют концепты «женщина» и «мужчина», отражающие гендерные стереотипы – «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» [8, с. 98]. В этом отношении названные концепты способны выступать и как общечеловеческие категории, поскольку они представлены практически во всех языках, и как понятия культуры, обладающие национальной спецификой.

Гендерные концепты регулярно актуализируются в оценочных номинациях, имеющих референтную отнесенность только к лицу женского или мужского пола. Целью предпринятого нами исследования является установление семантических сфер, наиболее актуальных для культурных концептов «женщина» и «мужчина» в русском, английском и татарском социумах, с последующим выявлением признаков, подверженных оценочной квалификации, и попыткой очертить языковые образы фемининности и маскулинности в данных культурах.

В сферу нашего сопоставительного анализа были включены русский, английский и татарский языки, различающиеся не только структурно, но принадлежащие к различным культурным ареалам (индоевропейская языковая семья с восточно-славянской и западно-германской подгруппами и алтайская языковая семья с тюркской подгруппой) и, соответственно, характеризующиеся иным, отличным опытом ценностной маркировки окружающей действительности. Поэтому результаты проведенного исследования могут представлять интерес не только для лингвистической гендерологии, а также для антропологии, этнографических и социологических исследований, занимающихся проблемами дифференциации социополовых ролей, гендерных установок и ценностей.

Фактический материал для нашего исследования был получен путем сплошной выборки гендерно релевантных оценочно-номинативных обозначений лиц женского и мужского пола. Базой для анализа русского языка послужили «Словарь русского языка» в 4-х томах под ред. А.П. Евгеньевой (1981–1984) [9] и «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (1998) [10]. Источником татарского материала стали словари: «Татар телнең аңлатмалы сүзлеге» в 3-х томах (1977–1981) [11] и «Татар телнең аңлатмалы сүзлеге» (2005) [12]. Выборка английских лексических единиц осуществлялась по словарям “New Webster’s dictionary of the English language” [13] и “Longman dictionary of contemporary English” (2001) [14]. Объем материала данных словарей является относительно небольшим, но, тем не менее, он позволяет наметить некоторые типичные аксиологические характеристики, определяющие мотивы гендерных оценок в русском языке.

Анализ словарного материала позволяет отметить, что, во-первых, оба концепта актуальны для рассматриваемых социумов, о чем свидетельствует их плотная оценочно-номинативная вербализация. Оценочная структура исследуемых концептов в сопоставляемых языках определяется целым рядом параметров, среди которых выделяются доминантные для поля «человек» признаки: «внешний человек», «внутренний человек» и «социальный человек». Первую группу составляют такие признаки, как «внешность», «внешний вид», «одежда» и др. Вторая группа включает свойства личности, например «характер», «темпера-

мент», «интеллект», «эмоции» и т. д. Третья группа содержит межличностные характеристики человека: «поведение», «образ жизни», «мораль» и т. д. Далее выделяются более частные признаки, значимые для носителей рассматриваемых культур и особым образом представленные в языке, что позволяет раскрыть специфические характеристики конкретного языка.

Национально-культурная специфика концепта «женщина» на материале оценочных наименований лиц женского пола в русском и английском языках довольно подробно освещалась нами в предыдущих работах [15, с. 24–28; 16, с. 162–164], поэтому в рамках данной статьи остановимся на особенностях языковой репрезентации татарского концепта «женщина».

Итак, ядерная часть концепта включает оценку *характера* женщины, ее *внешность*, *нравственное поведение*, *роль в социуме*, *отношение к труду*.

В семантической сфере «*внешность человека*» вербально представлены достоинства и недостатки внешности и внешнего вида женщин, наиболее актуальные для татарского социума. Так, в числе достоинств – молодость, цветущий вид (например, *алма бит*, *алма кебек кыз*), стройность, наличие тонкой талии (например, *тал чыбыгы*, *нечкәбил*), красота, привлекательность (например, *асылкош*, *гузал*, *хур*, *хур кызы*), смуглость кожи, черные глаза (например, *каракай*, *карасылу*, *каракуз*). К числу актуализированных в языке недостатков женской внешности относятся следующие: старость как порок (например, *кортка*, *мәчәкәй*, *карчык-корчык*, *карт карга*, *убыр карчыгы*), растрепанные, неприбранные волосы (например, *чәчби*, *тубалбаш*, *тузгый баш*, *тузгалак баш*, *пумала баш*), непривлекательность (*мунча фәрештәсе*, *мунча пәрие*, *мунча пумаласы*), мужеподобное лицо (например, *ир чырай*, *ир чырыйлы хатын*).

Татарской женщине приписываются следующие отрицательные черты *характера*: бесчувственность, жестокость (например, *ташкурчак*), использование своей красоты ради собственной выгоды (например, *юха*), расточительность (например, *ир бөлдергеч*, *чүпрәкче*). Также негативную оценку получает глупость, неопытность, отсутствие навыка (например, *чүпрәкбаш*, *бавыры бала басмаган хатын*).

Следующей семантической сферой, релевантной для женщин, является *мораль* (сексуальная распущенность женщины). Многочисленными номинациями отрицательно квалифицируется женщина, занимающаяся проституцией (например, *фахишә*, *тәтәй*), похотливая женщина или женщина легкого поведения, то есть ищущая плотского удовольствия без материальных претензий к партнеру (например, *себерке*, *кәнтәй*, *асылкай*, *ирдәүкә*, *иранай*, *ирләр тастымалы*, *ирсәк хатын*).

Семантическая сфера «*роль в обществе, семье*» также представлена как положительными, так и отрицательными наименованиями. Согласно словарям, высокую оценку получают женщины, прославившиеся своим мастерством, геройством, профессионализмом или принесшие пользу стране, государству (например, *ил кызы*, *ил фәрештәсе*). Негативно квалифицируется женщина, чрезмерно поглощенная делами мужа и заботой только о муже (например, *ир хатыны*, *өй тавыгы*), женщина, часто ходящая в гости (*илдәтнә*).

Подведем итоги изложенному выше. Во-первых, концепт «женщина» – действительно важный культурный феномен для татарского народа, на что ука-

зывает его номинативная плотность. Во-вторых, доминантными семантически сферами, коррелирующими с анализируемым культурным концептом во всех языках, являются *характер* женщины, ее *моральный облик* и *внешность*.

В семантической сфере *внешность* наиболее чувствительной в плане оценки является признак «красота», хотя в количественном отношении английский язык превосходит русский и татарский языки. Татарский язык содержит наименьшее количество единиц. Во всех трех культурах красота женщины часто соотносится с божественной, неземной красотой, о чем свидетельствует преобладание религиозных метафор на данном отрезке семантического пространства рассматриваемого концепта (например, *хур кызы*, *алиһә*, *junо*, *venus*, *богиня*, *ангел*). Англичане и татары осуждают женщину, использующую свою красоты ради собственной выгоды, или же бездушную красавицу (*femme fatale*, *vamp*, *gold-digger*, *юха*).

В семантической зоне *мораль* посредством языка осуждается половая распущенность и аморальный образ жизни и поведение. Однако и здесь выявляются свои особенности. Так, в английском обществе девственность получает негативную оценку (*vestal*, *old vestal*, *virgin*), тогда как в татарском языке данный признак включен в зону положительной оценки (например, *ирләр якасын иснамәгән хатын/кыз*). В семантической зоне *характер* во всех социумах осуждается коварство, жестокость.

Вышесказанное позволяет легко понять представления этносов о «настоящей» женщине – красота, доброта и нравственность.

Сопоставительный анализ концепта «мужчина» в трех рассматриваемых языках показал, что актуальными для данного понятия являются следующие семантические области: *внешность*, *характер*, *поведение*, *интеллект*, *воля*, *мораль* и *отношение к женщине*. Однако национально-культурная специфика концепта проявляется как в номинативной плотности указанных областей, так и в их детальной проработке средствами языка. К примеру, наиболее лексически насыщенными для татарского концепта являются зоны, характеризующие силу (например, *арыслан*, *аю*, *имән*, *алпар* – оценка «+»), бесстрашие (например, *бөркет*, *азамат*, *арыслан йөрәк*), а также внешние признаки волевой сферы (например, *егет*, *батыр*), характер (например, *калай этәч*, *камыр батыр*, *байбәтчә*), отношение к труду (например, *ир-ат* – оценка «+», *барчук*, *барин* – оценка «-»). В русском концепте преобладает оценка внешности (например, *аполлон*, *купидон*, *недомерок*), характера (например, *вертопрах*, *истукан*, *зверь*) и жизненного опыта (например, *щенок*, *салага* – оценка «-», *старый волк*, *стрелянный воробей* – оценка «+»). Для англоязычного социума наиболее актуальным является поведение мужчины в обществе (например, *boor*, *ape*), сексуальное поведение (например, *bender*, *flasher*, *lecher*), образ жизни (например, *bit*), взаимодействие с другими людьми (например, *blackguard*, *animal*) и отношение к женщине (например, *old dirty man*, *old goat*). «Словарный субъект» [17] татарского языка также осуждает мужчину, явно демонстрирующего свои плотские желания (*кәжә такәсе*).

В татарском языке семантическая область *внешность* представлена главным образом лексическими единицами, выражающими положительную оценку, тогда как в русском и английском языках номинативы распределяются по

обеим полюсам аксиологической шкалы. Бесспорным достоинством внешности мужчины во всех трех социумах является крепкое телосложение как показатель физической силы и здоровья (например, *шаһбаз, пәһлеван, алпамша, алып, баһадир, егет, аю егарлык егет; богатырь, исполин, геркулес, сбитень, крепыш, боровичок, здоровяк; superman, muscle, muscleman, macho man*). Для русских и англичан телосложение может также быть объектом эстетической оценки, подчеркивающей такие особенности фигуры, как: а) широкие плечи и развитая мускулатура (например, *hunk, beefcake*); б) спортивное телосложение (например, *атлет, аполлон, he-man*); в) стройность и подтянутость (например, *молодец, козырь, жеребец*). В этих же этносах негативную квалификацию посредством языка получают такие физические данные, как полнота и чрезмерный вес (например, *буржуйчик, кабан, боров, пентюх*), чрезмерно крупное телосложение и, как следствие этого, неповоротливость, грузность, неуклюжесть (например, *тюлень, увалень, верзила, бугаина, детина; bruiser, oaf, lug, Neanderthal*). Русский язык также объективирует как «изъян» во внешности наличие у мужчин живота, «брюха» (например, *пузан, пузанчик, брюхан*).

Признак «одежда» вербально актуализирует следующие «мужские пороки»: а) чрезмерное внимание к своей одежде и внешнему виду (например, *щеголь, хлыщ, хлыст, фраер, франт*); б) чрезмерно холеный вид (например, *буржуйчик, пижон, стилига*); в) неопрятность (например, *мужлан, мужик*). В английском языке также выявлен целый ряд отрицательных слов, обозначающих гомосексуалистов, носящих женскую одежду или уподобляющих себя женщине (например, *drag queen, ponsy*). Для татарского концепта «мужчина» признак «одежда» остается неактуализированным.

Следует отметить, что семантическая область *мужская внешность* наиболее детально вербализуется в русском языке, что свидетельствует об аксиологии данного аспекта. К примеру, русские положительно оценивают высокий рост (например, *богатырь*), молодость (например, *сокол, аполлон*), кудри на волосах (например, *кудряш*), изящество в одежде и галантность манер (например, *джентельмен, кавалер, рыцарь*), степенность походки как признак высокого социального статуса (например, *барин*) и приписывают к недостаткам чрезмерно высокий или низкий рост (например, *жердина, жердай, недомерок, шпингалет, недоросток*), чрезмерную худобу (например, *кощей, хляк*), старость (например, *трухляк, старый пень*), морщинистое лицо (например, *сморчок*), лохматые волосы, слишком густую бороду и усы (*лохмач, бородач, усач*). В татарском этносе объектом положительной оценки может стать мужчина с аккуратно постриженными усами (*карлыгач мыек*) и вызвать негативную оценку крупный мужчина с огромными руками и тяжелой хваткой, способной причинить боль (*аю беләк*).

Таким образом, данные проведенного анализа показывают, что татарский концепт «мужчина» формировался преимущественно в рамках представлений о мужчине как о воине-защитнике, о чем убедительно свидетельствует плотная номинативная оценочная вербализация признаков, отличающих хорошего воина, джигита (ср. с татарским словом *егет*): физическая сила, высокий рост (*баһадир, алып батыр*), здоровье, молодость (*вилдан*), бесстрашие, храбрость и отвага, гордость (*бөркет*). Осуждается малодушие, трусость (например, *йон*

батыр, йон йөрэк, камыр батыр), безропотное подчинение (*карт алаша*), старость (*картлач*), женоподобное поведение (*катыниша, хатыниша*).

Слияние в русском обществе двух социокультурных кодов (крестьянского и аристократического) находят отражение в системе оценочных наименований лиц мужского пола. С одной стороны, в мужчине стремятся видеть хорошего работника, хозяина: на это указывают положительные наименования лиц мужского пола в аспектах здоровья, физической силы и негативная оценка слабости, неповоротливости, неуклюжести. С другой стороны, мужчинам приписываются отрицательные и положительные черты «светского человека»: легкомыслие, ветреность (например, *ветрогон, ветреник*), праздность (например, *повеса, жуир, кутила*), галантность (например, *джентльмен, кавалер*), отношение к женщине (*обольститель, дамский угодник, ловелас, вздыхатель* и др).

В английском обществе представления о мужчине складывались главным образом в системе норм и установок светского общества, поэтому наиболее актуализированной семантической сферой для английского мужчины является область «социальный человек» с релевантными признаками «внешний вид», «поведение», «отношение к окружающим», «сексуальная ориентация», «образ жизни», «политические и социальные взгляды и воззрения» (например, *Blimp, John Bull, redneck, chauvinist, lad*). Следует также отметить, что в английском языке была выявлена обширная группа эмотивно-оценочных наименований, квалифицирующих лиц мужского и женского пола в аспекте «приятность/неприятность в общении» (например, *baggage – a rude, unpleasant, annoying woman; varlet – a wicked or worthless man, knave; varmint – a troublesome, worthless young man* и мн. др.), что для русского и татарского языков характерно в меньшей степени.

Summary

A.N. Makhmutova. Axiological Characteristics of the Concepts “Man” and “Woman” in the Russian, Tatar and English Languages.

In the present article we have comparatively analyzed verbal representations of cultural concepts “man” and “woman” in the Russian, Tatar and English languages. Dominating axiological features of these concepts for each culture have been singled out, systematized and presented in comparison. Semantic zones making up the core of these concepts have been distinguished with the help of the componential analysis and analysis of definitions. All possible universal characteristics and national peculiarities of these concepts have been considered. The conclusion about the importance of evaluative words denoting males and females for the verbal representation of the concepts in question has been made.

Литература

1. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
2. Слышкин Г.Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота // Гендер как интрига познания. – М.: Рудомино, 2002. – С. 66–73.
3. Кондратьева О.Н. Основные направления в области концептуальных исследований // Филол. сб. – Кемерово, 2002. – Вып. 2. – С. 83–88.

4. *Карасик В.В., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Ворон. гос. ун-т, 2001. – С. 75–80.
5. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 12–51.
6. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3–16.
7. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.
8. *Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981–1984.
10. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
11. Татар телнең аңлатмалы сүзлеге: 3 т. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977–1981.
12. Татар телнең аңлатмалы сүзлеге. – Казан: Матб. йорты нәшр., 2005. – 848 б.
13. New Webster's dictionary of the English language. – Delhi: Surjeet Publications, 1989. – 1824 p.
14. Longman dictionary of contemporary English. – London: Longman, 1987. – 1229 p.
15. *Махмутова А.Н.* Национальная специфика оценочных субстантивов со значением «личностные качества лица женского пола» в русском и английском языках // Проблемы типологии языков. – Казань: ТГГПУ, 2005. – Вып. 2. – С. 24–28.
16. *Махмутова А.Н.* Национальная специфика языкового представления концепта «женщина» в русском и английском языках // Сопоставительная филология и полилингвизм. – Казань: РИЦ «Школа», 2004. – Ч. 1. – С. 162–164.
17. *Карасик В.И.* Статус лица в значении слова. – Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1989. – 112 с.

Поступила в редакцию
28.11.07

Махмутова Алсу Нигматяновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Казанского государственного университета.
E-mail: alsu.73@mail.ru